

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Н.В. Покатилова

DOI: 10.25693/SVG.2020.01.30.10

УДК 398.9(=512.157)

Разновидности жанра чабыргах в записях Вилюйской экспедиции А.А. Саввина

В записях Вилюйской экспедиции А.А. Саввина представлено уникальное собрание разновидностей одного из малых жанров якутского фольклора – чабыргаха. Эта совокупность вариантов никогда не рассматривалась в качестве отдельно сформированной собирателем целостности, которая в таком виде могла быть объектом специального изучения. Между тем собрание А.А. Саввина представляет собой явление, выходящее за пределы только констатации имеющихся разновидностей жанра. Достаточно камерный характер этого собрания позволяет использовать применительно к нему принципы имманентного анализа, учитывая, что речь идет о записи замкнутой в определенном смысле жанровой традиции в ее «живом» бытовании. Анализ показывает, что на основе зафиксированных разновидностей сложно говорить о какой-либо однотипности жанровой структуры, затруднительна также какая-либо типология всех тех форм, которые обозначаются понятием «чабыргах». Тем не менее по метрическим и формульным показателям представляется возможным выделить два типа организации: «краткую» и «развернутую» формы чабыргаха. В то же время наличие многообразных форм варьирования жанра в вилюйской группе районов дает основания для следующих предположений: 1) о преобладании диахронных аспектов рассмотрения и отбора материала для записи в принципах полевой работы собирателя, о его стремлении вычленив наиболее архаические тексты традиции; 2) о следах возможного существования в архаике традиции разных коммуникативных типов текста, к которым могут восходить определенные разновидности жанра, однако обозначенные в ходе эволюции общим, вероятно, родовым понятием «чабыргах» в качестве «говорного» («не поющего») начала.

Ключевые слова: устная традиция, полевые исследования, малые жанры фольклора, архаический текст традиции, формульный язык, формульность, метрика стиха, короткий стих, историческая поэтика, чабыргах

В якутской традиционной словесности выделяется один из малых жанров – чабыргах. Формально его относят к малым формам, хотя называть его «малым» можно в некоторых случаях с достаточной долей условности. В научной традиции жанровой классификации фольклора его обозначали понятием «скороговорка», имея в виду, прежде всего, близость к русской скорого-

ворке по быстрому темпу произнесения, считавшейся характерной чертой этого жанра. Одну из первых попыток научной систематизации разновидностей якутского чабыргаха принял Г.У. Эргис. В 9-й главе под названием «Скороговорки-чабыргах» его «Очерков по якутскому фольклору» представлено многообразие этого жанра: от кратких формульных вы-

ражений до развернутых описаний сатирического и отчасти дидактического плана. Вместе с тем, судя по черновым наброскам исследователя [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 13, Ед. хр. 116], его несколько затрудняла сама возможность строгой внутрижанровой классификации этих разновидностей [Эргис, 1974, с. 325]. Нельзя не признать и того, что в традиционном жанре чабыргах трудно найти что-то общее со скороговоркой в русском фольклоре, кроме особой манеры произнесения.

Между тем на основе зафиксированных разновидностей чабыргах сложно говорить о какой-либо однотипной жанровой структуре. Нет возможности отследить своего рода общую типологию всех тех форм, которые обозначают понятием «чабыргах». В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных с тем, что собой представляет в устной традиции жанр чабыргах, являются ли многочисленные разновидности жанра вариациями одной и той же жанровой модели или речь может идти о разных типах развертывания текста.

Указанную проблематику возможно рассмотреть на конкретном материале Вилюйской экспедиции (1938 г.), очерченном кругом записей чабыргах. С одной стороны, никто не обращался к ним как к специальному объекту анализа в аспекте именно этого жанра, с другой – достаточно камерный характер этого собрания позволяет использовать применительно к нему принципы имманентного анализа, учитывая, что речь идет о фиксации в принципе замкнутой жанровой традиции определенного культурного ландшафта в ее живом бытовании. В связи с этим в статье предпринята попытка описания материала с использованием «текстового» подхода и соответствующим осмыслением якутского чабыргах в качестве определенного «текста» традиции.

«Вилюйская» коллекция чабыргах в материалах А.А. Саввина

Уникальный материал был представлен в собрании рукописных записей уже в первую академическую (Вилюйскую) экспедицию (1937–1938 гг.) Института языка и культуры при СНК ЯАССР, инициированную его первым директором П.А. Ойунским. В особенности ценными являются материалы А.А. Саввина по одному из «малых» жанров фольклора – чабыргаху, в кото-

рых зафиксирован, с одной стороны, достаточно широкий спектр разновидностей этого жанра, бытующих в вилюйской группе районов на момент записи. С другой – ряд внетекстовых данных, также зафиксированных исследователем, дает нам свидетельства не только живого бытования, но и моментов осознания жанровой традиции и ее изменений самими носителями фольклора, тем самым значимость собранных А.А. Саввиным материалов по малым жанрам не в последнюю очередь определяется фиксацией впервые как текстовых, так и внетекстовых факторов традиции, что придает этому собранию записей системный характер.

Записи А.А. Саввина из материалов Вилюйской экспедиции [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 12, Ед. хр. 48, 87, 90, 561; Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 100, 270, 272] – это основной фонд, в котором сосредоточен наиболее архаичный по показаниям информантов и по представлениям самого собирателя пласт этого жанра и его разнообразные вариации.

Жанровая традиция чабыргах в «вилюйских» записях А.А. Саввина: особенности фиксации и функционирования жанра

Жанровая традиция чабыргах в материалах А.А. Саввина впервые предстает в качестве самостоятельного объекта изучения. По его Отчетам (первоначальному, 1938 г., и позднейшим, 1939 г.) вполне отчетливо прослеживается как момент актуализации этого жанра, так и обоснование необходимости фиксации всей жанровой традиции. Жанр чабыргах и его разновидности рассматриваются в общем контексте представлений исследователя о наиболее древнем, архаическом, слое устной традиции вилюйского региона. Архаичность «вилюйской» модели традиции обосновывается «специфическими условиями» культурного ландшафта региона, где «шаманизм более, чем в других местах сохранил свои первоначальные черты» [Там же. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 8]. В этой связи следует отметить изначально комплексный подход участников Вилюйской экспедиции к изучению культурного ландшафта исследуемой территории. Цель экспедиции видится в «сборе образцов устного народного творчества и материалов по верованиям Вилюйских якутов», а также «записей особенностей языка местного населения» [Там же, Л. 7, 24]. Все на-

правления работы были связаны с сосредоточенностью образцов устной культуры в определенном пространстве, а методы обусловлены необходимостью выявления наиболее архаических пластов этой культуры, на что не раз обращает свое внимание А.А. Саввин [Там же, Л. 8, 24].

А.А. Саввин видит свою задачу в сборе именно «образцов» жанровой традиции чабыргах, «этого своеобразного вида устного народного творчества», который «мы застали в стадии угасания» [Там же, Л. 10]. Под «образцами» понимается текст традиции как таковой, который предстоит зафиксировать как можно полнее. Терминологическое обозначение А.А. Саввина – «образцы устной традиции» – отсылает к известному собирательскому подходу, закреплённому в изданиях круга Э.К. Пекарского. Однако есть и некоторые отличия. Сбор «образцов», т.е. текстов традиции, видится исследователю как опыт выявления, а тем самым направленной экспликации текстовых особенностей одной, отдельно взятой (и в некотором роде – условно изолированной) жанровой традиции, как наиболее характерной для этого региона, что предстоит определить на материале, по возможности, только полных, т.е. целостных, записей вариантов, осознаваемых при каждом исполнении как очередная текстовая манифестация традиции.

Процесс работы А.А. Саввина по записи данной жанровой традиции носит системный характер, что находит выражение в интуитивном разграничении текстовых и внетекстовых факторов в функционировании и осмыслении этой традиции. Наиболее значимые в плане архаичности текстовые записи сопровождаются дополнительной фиксацией («хос этии», «хос бэ-лиэ») совокупности скрытых представлений об этой традиции, выражаемых большей частью через особенности ее функционирования «сейчас (в настоящем)» и «тогда (в прошлом)».

Сеанс записи у А.А. Саввина наиболее архаических или, по-другому, значимых для него вариантов, как правило, заканчивался не только работой по уточнению словника, списка языковых архаизмов и диалектизмов, но и дополнительной беседой с информантом по поводу оценочного отношения к данному тексту. В некоторых случаях это переходило в плоскость кратких, но достаточно емких высказываний о дальнейшей судьбе жанра или жанровой традиции и

их включенности в диахронную соотнесенность «прошлого» и «настоящего» традиции в целом. Именно внетекстовые комментарии после сеанса свидетельствуют о наличии диахронных (и не только) аспектов осмысления в самой традиции, о существовании в ней элементов или даже «текстовых» показателей имплицитной поэтики. Все внетекстовые включения традиции по-своему уникальны и представляют исключительный интерес, придавая собранию А.А. Саввина особую научную ценность.

На основе «собранных образцов» жанровой традиции чабыргах можно сделать вывод о том, что каждый из представленных А.А. Саввиным вариантов (в окончательной редакции записи) значим как целостный текст, тем самым в отношении его «вилейских» записей следует скорректировать соотношение понятий варианта и текста. В отчетах по экспедиции исследователь достаточно подробно описывает процедуру записи малых жанров. В особенности это касается чабыргах, быстрый темп произнесения которого не позволял сразу же восполнить все моменты «неразборчивости», «помех» при исполнении. В этой связи заслуживает пристального внимания разработанная А.А. Саввиным своеобразная методика «черновой» записи малых форм типа чабыргах. В результате применения этой методики оказалось, что «черновых» записей несравненно больше (более 100), чем окончательная цифра количества (74) представленных по Отчету полных текстов чабыргах [Там же, Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 7; Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 97. Л. 4–5].

Для Саввина-исследователя характерна одна существенная черта, которая обусловила его собирательскую позицию в целом, а именно – стремление представить не многочисленность, не максимальное число вариантов, а разнообразие целостных манифестаций традиции. В рамках последней следует выделить, с одной стороны, локальную, текстовую, манифестацию, с другой – более глобальную, жанровую, охватывающую понятие «чабыргах» в несколько широком, вероятно, родовом, понимании. В этом плане речь здесь идет об инвариантной целостности определенной жанровой протяженности, эксплицируемой в разновидностях разновременного, но все же диахронного порядка в рамках глобальной систематизации.

«Краткая» форма чабыргаха: формульная метрика жанра

Основу материалов А.А. Саввина по этому жанру составляет короткая, или «краткая», форма чабыргаха. Она характеризуется совпадением метрического и синтаксического членения строки, отчетливой выделенностью строки (стих) в качестве единицы текста, который строится по принципу «нанизывания строк» (*хоһуйуу*). В то же время каждый стих или строка в такой форме имеют формульную связанность, тем самым якутский чабыргах отчетливо демонстрирует основной параметр формулы – ее метрическую обусловленность, согласно «устной» теории М. Пэрри и А. Лорда [Лорд, 1994, с. 14, 42].

Между тем одним из первых формульную основу жанра описал еще в 1925 г. основоположник якутской литературы А.Е. Кулаковский сначала в комментариях к своему произведению «Чабыргах» [Кулаковский, 1978, 289–290], представляющему литературную имитацию этого жанра, затем в «Правилах якутского стихосложения» [Кулаковский, 1925]. Поэтом были отмечены два важных момента. С одной стороны, подчеркивалось, что жанр чабыргах полностью «говорной», не связан с напевом, имеет «стихотворную», а не «поющуюся» природу. С другой стороны, им впервые был описан принцип почти что формульного развертывания этой строки, а вместе с ним выделен так называемый «короткий стих», в рамки которого укладывается строка чабыргаха. Более того, поэтом было постулировано предположение о признании «короткого стиха» (далее – КС) в качестве (по всей видимости, метрической) единицы стиха в два, реже – в три слова, при этом определялся основной слоговой объем строки (2+2) или 4 слога, с незначительными колебаниями слогового объема в 1 (2) слога. Найденный поэтом принцип имел непосредственное отношение к прошлому, наиболее древнему состоянию словесной традиции, обеспечивая тем самым живучесть этого жанра. Таким образом А.Е. Кулаковским было положено начало не только литературным интерпретациям традиционного жанра, но и, отчасти, предвосхищения научной рефлексии в понимании продуцирующих механизмов этого жанра.

Дальнейшие исследования показывают, что описываемая А.Е. Кулаковским модель жанра

относилась в большей мере к классической, или «краткой» форме чабыргаха, когда понятие единицы текста (строка) было сопряжено с формульной лексикой в рамках «короткого стиха».

Анализ формульного наполнения такой формы чабыргаха дает основания для выделения в пределах КС разных видов словосочетаний, укладывающихся в рамки одной строки-стиха, поэтому конец стиха отмечается знаком //, обозначающим границу стиха.

Следует выделить несколько видов словосочетаний в формульной лексике чабыргаха:

1) звуковая «заумь» магического плана (*тэ-нэки-дээрэки//; кумуку-дьимики//; эрхэл-дээрхэл//; эрэнээт-тэрэнээт//*). Такое словосочетание не этимологизируется, лексическое значение его может быть растворено в магическом словоупотреблении;

2) устойчивые двусоставные сочетания, состоящие из двух знаменательных слов, в которых создается единичное значение целого с неповторимым оттенком окказиональности (*түптэ кутурук//; кыптый буута//, тумса чуугус//*);

3) аллитерационно связанные сочетания (*чуо-чуо чолбон//; кэллэс-куллас//; бады-буду балабан//; линкиир-ланкыыр//*);

4) звукоподражательные сочетания, лексическое значение одного из компонентов которого может быть ослаблено или вовсе утрачено (*кырк кынаттаах//; дар дар сыарбалаах//*);

5) парные формулы, хотя их границы с предыдущей группой словосочетаний могут быть весьма подвижны (*окур-букур//; көбүө-ибиэ//; этэбэ-тэтэбэ//; холкуй-илкий//; кубулун-ибилин//*). Среди них можно выделить тавтологические (*буур-буур табалаах//; бука-бука буор//; дар-дар сыарбалаах//*), с усилительным значением (*кус-хаас//; үөрэн дьүөрэн//*), антитестические (*дьолкуй-илкий//*).

Из всех видов словосочетаний в пределах одного стиха (КС) наиболее распространенными следует считать следующие: 1) особый тип словосочетания (о котором писал еще А.Е. Кулаковский) в виде «парного слова», а также сдвоенного повтора, в котором выветрена семантика одного из составляющих (*этэбэ-тэтэбэ//*); 2) формульно развернутое имя собственное (*Чохоччукаан эмээхсин//*); 3) формульно структурируемая глагольная форма заговорного типа

(*Түг тан түс//; хара ылах лас!//*); 4) звуковой комплекс без семантики (*тэнэки-дээрэки//; ку-муку-дымики//*).

О степени архаичности собранных А.А. Саввиным образцов жанра свидетельствуют следующие моменты:

1) встречается форма коротких заклинательных формул, восходящих к ритуально-заговорным речениям древности (*Түг-түг түнүр-дээх//; Түөн ойуун көт!//; Хара ылах лас!//; Налыха чолуох//*);

2) выделяются словосочетания, представляющие звуковой комплекс, в котором отмечена целостность фонологического плана (*Дэгэйээ-дугуйаа//; Чыына-чаана//; Этэбэ-тэтэбэ//; Чуо-чуо Чолбон//*);

3) разворачиваются в тексте имена собственные (*Чохоччукаан эмээхсин//; Доргуой удабан//; Олдьуо дохсун//*), многие из которых могут содержать в себе иносказания (перифраз), элементы загадки (*Күн тойон кыһын//*), а также заговорного абсурда и заклинательной зауми (*Орулуур дохсун//* – «гром»; *Дарабана сыарба//* – «созвездие Плеяды»). Такая архаическая лексика наддиалектного плана восходит к наиболее древнему слою мифопоэтического языка.

Весьма любопытными представляются примечания к образцам жанра, записанные А.А. Саввиным со слов самих сказителей. Безусловным в них является представление о том, что именно чабыргах восходит к древнейшей традиции культовых речений; свидетельством этого становятся неоднократные указания на устойчивость определенного слоя заговорно-заклинательной лексики [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3, Ед. хр. 87. Л. 41].

Рассмотрим в этом плане пример типичного «образца» из материалов Виллюйской экспедиции А.А. Саввина.

Пример 1.

Тумса чөмчүс

Халха тэрбэс

Хараба эриллэс

Түүтэ үргэс

Кыната даллас

Атаба тэймэс

Кутуруга куймас [Там же. Л. 45].

В данном варианте видна достаточно типичная схема построения, в которой перечисление формул строится по принципу ступенчатого

развертывания текста «сверху вниз» («от клюва к хвосту»). Космологическая модель мира в этом случае соотносится с частями тела птицы (варианты: животного / человека). Завершается устный текст чаще всего аллитерационно или ассонантно отмеченным повтором, в который вовлекается «заговорная» (или магически-заклинательная) формула, звуковой комплекс, представляющий заумь или абсурд, или имя собственное, формульно связанное. Редуцированная модель мира имеет преимущественно вертикальную протяженность.

Во всех случаях жанра, как правило, сохраняется автономность формульного плана. Формулы чабыргах оказываются знаком особой «говорной» ситуации только что «составленного» и тут же «произносимого» текста. Чабыргах, по тщательно подобранным материалам А.А. Саввина, – это текст, который рождается в процессе произнесения, отсюда – акцентированность ситуации «говорения» в противоположность пению.

Анализ показывает, что во всех отобранных «образцах», записанных А.А. Саввиным, можно найти ценностно значимые в исследовательском плане аспекты, мотивировавшие отбор именно этого текста. В качестве таких аспектов могут выступать формульные моменты заговорного происхождения, или восходящие к дихотомии заклинания – *алгыс* / проклятия – *кырыыс*; или к ритуальным (шаманским) речениям. Избирательность вариантов может быть связана с «формой» текста, с его окказиональностью языкового плана, с поэтическим началом в тексте, которое для А.А. Саввина было немаловажным. Указанные аспекты были обусловлены применительно к рассматриваемой жанровой традиции собственно стиховыми, метрическими, моментами.

Материалы А.А. Саввина по жанру чабыргах фиксируют одновременно широкий и в то же время четко очерченный круг жанрового варьирования. Одним из таких моментов фиксации в его записях является констатация различных типов «метрических» (в современном понимании) отступлений от «краткой» формы чабыргах. В большинстве случаев это отмечается в виде общей, достаточно распространенной тенденции к удлинению стиха, которая имеет место уже в рамках «краткой» формы стиха. В некото-

рых случаях (3 из 74) появляется незначительное, на первый взгляд, варьирование КС, когда встречается прием переноса (enjambement) или повтор типа анадиплосиса.

Пример 2.

Буур-буур табалаах

Мунгур обонньору

Муннукка хаайбыттар [Там же. Л. 55].

В данном случае формула не ограничивается одной строкой и охватывает все три стиха. Во всех этих случаях формула не укладывается в рамки стиха-строки, и, как следствие, метрическое членение не совпадает с синтаксическим. Как правило, указанное выше отступление отмечается при использовании развернутого перифраза метонимического плана, – достаточно частого явления в «краткой форме» чабыргаха.

Введение имени собственного в КС может привести к фонологически слитному, формульному выражению, охватывающему уже несколько строк:

Пример 3.

Доргуон-доргуон,

Торбос сонноох

Доропуун ойуун [Там же. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 87. Л. 36].

Имя собственное в рамках стиха чабыргах обретает заведомо изолированное положение в силу чаще всего аллитерационной отмеченности (*Дал киһи// даллан саадах// Далыкынай бэр-гэн//*), иногда – ассонанса (*Сэмэлинэй эмээх-син//*). Семантика же всего текста начинает строиться вокруг имени собственного. Имя выступает как индивидуальное обозначение «единичных» предметов (качеств, свойств), а в основе текста – древнейшая форма мифологизированного (антропоморфизированного) описания. То, что в традиционной модели чабыргаха аллигулируемое имя зачастую приходится на конец текста, служит своеобразным *pointe* жанра [Там же. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 41].

Таким образом, уже в пределах «краткой» формы чабыргаха, судя по данным А.А. Саввина, отмечается ряд потенциальных возможностей к разного рода отступлениям, в том числе – к разрастанию КС в формульно-метрическом плане и его соотношения с формой «длинного стиха» в эпическом и песенном вариантах.

Все приведенные А.А. Саввиным «образцы» жанра свидетельствуют о тщательных принци-

пах отбора вариантов для записи по степени архаичности в диахронной ретроспективе жанра, по тем или иным метрическим и формульным показателям соответствия или даже отступления от традиции, по сохранности следов мифоритуального прошлого традиции, по научной ценности отдельных образцов жанра в качестве материала для последующих исследовательских реконструкций, возможностей применения разных методов, в том числе – предвосхищения в какой-то степени метода внутренней реконструкции. Разумеется, современных методов реконструкции не было в период Вилюйской экспедиции 1930-х гг., но поражает другое, – насколько была развита исследовательская интуиция у А.А. Саввина. По «знанию» устной традиции, по интуитивному осознанию ее внутренних механизмов, выявляемых по текстовым данным, не было в то время ему равных. В этой связи следует предположить, что принцип «текстового» подхода, все же осуществленный А.А. Саввиным в период Вилюйской экспедиции, мог сложиться не без влияния Г.В. Ксенофонтова, учитывая экспедиции последнего по Жиганскому и другим улусам в 1925–1926 гг. Сопоставление в этом плане двух исследовательских подходов дало бы многое для понимания особенностей полевых исследований в первой трети XX в.

Все же А.А. Саввину, на наш взгляд, удалось достичь своих экспедиционных целей. Об этом свидетельствует рассматриваемый круг материала «кратких» форм чабыргаха, где почти всем текстовым образцам жанра отводится определенная ниша, связанная с их функциональной ролью в воссоздании целостности жанровой традиции культурного ландшафта вилюйской группы районов.

«Развернутые» формы жанра чабыргах

Наряду с распространенной «краткой» формой чабыргаха, А.А. Саввин фиксирует значительный слой «развернутых» форм жанра. Почти все из них Г.У. Эргис рассматривал в качестве внутренних разновидностей одного и того же жанрового образования, хотя при этом признавал сложность, а в некоторых случаях (типа чабыргах «дидактико-сатирического» плана) – затруднительность по отношению к этому жанру тематической или какой-либо видовой классификации [Эргис, 1974, с. 325].

На наш взгляд, особенностью развернутых форм чабыргаха является то, что характер формул и даже их метрический тип может значительно варьироваться в зависимости от разновидности. Только в «краткой» форме чабыргаха сохраняется метрический тип КС, реализующий принцип «нанизывания строк». Более того, лишь эта форма чабыргаха сохраняет свою формульную автономность в пределах жанровых включений в «большие» по объему жанры (эпос олонхо, предания, песенные жанры).

Вместе с тем большинство из пространственных разновидностей чабыргаха имеет собственные жанровые обозначения (*билбит-көрбүт*, *лабысха*, *балтаһа* и др.), хотя и не все. Каждая из этих разновидностей, судя по записям А.А. Саввина, отличается определенным композиционно-структурным типом построения.

При этом для некоторых из них постулируется отсутствие смысла как такового, распространенное к тому же на все высказывание в целом (*лабысха*, *балтаһа*) [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12, Ед. хр. 87. Л. 36–37, 49–49 об., 59], что, вероятно, имитирует «пустословие», «болтовню» ритуального происхождения. Объем текста в этом случае значительно больший, что с трудом позволяет идентифицировать эту разновидность как «малый» жанр. Структура этой разновидности связана с воспроизведением собственно «говорной» ситуации, отсюда и пространственность текста. В этом виде чабыргаха появляется «длинный стих» (с двух-, трехсловной строкой) с совпадением окончаний в конце стиха (подобие грамматической рифмы). Любые изменения стиха и грамматических форм тщательно фиксируются А.А. Саввиным.

Из других разновидностей в записях А.А. Саввина следует выделить детские считалки с повторением целых чисел («биир-икки»). Из всех детских считалок, рассмотренных Г.У. Эргисом [1974, с. 25–329], эти – наиболее архаического происхождения, поскольку параллелистическая структура текста амебейного плана в данном случае может быть связана с повтором, сохранившимся от «вопросно-ответной» ритуальной и игровой ситуации [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12, Ед. хр. 87. Л. 41–43].

В своем обзоре разновидностей жанра Г.У. Эргис специально выделяет разряды «потешных (юмористических)» и «сатирических»

чабыргахов, связанных с «высмеиванием» того или иного человека. Однако А.А. Саввин как собиратель не вычленяет их из общего массива жанра, поскольку тексты, приводимые им из этой разновидности, фигурируют в общем собрании в целом, разграничиваясь лишь по наличию имени собственного, по степени архаичности, по каким-то особенностям или отступлениям от «нормы» стиха или формул, т.е. по своеобразию «формы» прежде всего, а не содержательных моментов текста. Так, например, вовлечение имени собственного в формульный повтор А.А. Саввин связывает не с сатирической направленностью чабыргаха, а с более глубокой семантикой обрядово-ритуального происхождения, что еще раз свидетельствует в пользу четких критериев собирателя по фиксации следов наиболее архаического состояния традиции.

Среди многообразия «развернутых» вариаций чабыргаха выделяется такой вид, который Г.У. Эргис определял как «складки о том, что узнаю». В самой традиции эта разновидность обозначается емким формульным выражением «*билбит-көрбүт*» («узнал-увидел»).

В этой жанровой разновидности формулы «слышания» («ничего /лучше/ не слышал») и «видения» («ничего /краше/ не видел») разворачиваются по принципу ступенчатого сужения угла зрения и связанного с этим значения, завершаясь формулой «знания», но знания амбивалентного («вроде узнал и не узнал»), построенного по принципу формулы в русской сказке «был и не был». Знаменательно то, что уже здесь отмечаются элементы первоначальной формы, определенного типа высказывания от первого лица, хотя субъект речи еще недостаточно эксплицирован и чаще всего выражается личными глаголами. Самым значительным отличием от традиционного чабыргаха (в его «краткой» форме) является то, что в тексте отчетливо проступает особое пространственное построение: на проverbsиальном уровне структурирования текста и на семантическом (глубинном) уровне. Если первый уровень строится по принципу ступенчатого сужения угла зрения и чередования формул «слышания» / «видения» / «знания», определяющих формульный каркас текста, то второй, параллельный первому, возникает на уровне семантики слова по принципу гра-

дационного нарастания значений, что ведет к неоднозначности смысла в целом.

Пространственной организации вторит временной момент повествования, который совмещает в себе план настоящего, происходящего «сейчас / теперь», и план прошлого, но вечно существующего «когда-то». Коммуникативная направленность высказывания характеризуется постоянными переходами из одного плана в другой и обратно. Данная разновидность чабыргаха характеризуется уже не «коротким», двухсегментным, стихом, а «длинным стихом», охватывающим 2 и 3 строки, тем самым тенденция к удлинению стиха в традиционно «краткой» форме чабыргаха здесь, казалось бы, получает свое завершение. На самом деле в этой разновидности чабыргаха, в отличие от рассмотренных выше форм, не сохраняется определяющее значение метрики в построении жанровой модели в целом. Вместо этого задействованы несколько иные механизмы нарративного плана.

Дело в том, что носитель ритмически организованной речи в этом типе текста может находиться в его пределах, это соответственно меняет транспозицию «владеющего словом чабыргах». При этом повествовательное видение организуется таким образом, что акцентируется «я» носителя речи и его слово внутри текста – чаще всего не местоимением, а глаголом в 1-м лице. Показательно, что при этом может отчасти мифологизироваться носитель речевого сознания. Описанные моменты характерны для жанровой разновидности чабыргаха – *билбит-көрбүт*. Записей этой разновидности у А.А. Саввина достаточно много [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12, Ед. хр. 561. Л. 1–43].

Эта жанровая разновидность чабыргаха специфична не только по своей метрической и формульной структуре, но и по наличию устойчивой системы мотивов повествовательного плана. Именно эта разновидность настойчиво приписывается в устной традиции некоему мифологизированному персонажу – Дьүлэй Бүөккэ («Глухой Петр»). Почти в каждом варианте этой разновидности упоминается его легендарное имя – Дьүлэй Бүөккэ (далее – ДБ). В то же время имя персонажа может значительно варьироваться, иногда совмещаясь с именем божества Кудай Бахсы. При этом в разных вариантах сра-

батывает одна и та же модель формулообразования: Бүөккэ – Бахсы. ДБ не только мифологизируемый создатель жанра, поскольку все тексты этого типа приписываются ему, но и демиург, обладающий творческими возможностями, в том числе и в создании сакрального слова. Другой особенностью рассматриваемой жанровой разновидности становится система устойчивых мотивов «глухоты», «одиначества» / «сиротливости», «бродяжничества», приобретающих мифологический смысл и приписываемых легендарному герою. ДБ – это, с одной стороны, персонификация носителя традиции, имеющего «свою» судьбу, полную горестей, лишений и символического (мифологического) одиночества, с другой – при мифологизации персонажа достаточно устойчивым оказывается мотив «носителя», «создателя» жанра или даже целой жанровой традиции. Создание этого типа чабыргаха может настойчиво приписываться варьируемому имени Бүөккэ – Бахсы.

Таким образом, в отличие от классической формы чабыргаха, в этой разновидности на первый план выдвигается довольно развитая, насколько это возможно при «малом» объеме, структура повествовательного типа. Выраженная пространственная организация в данном случае имеет сложную архитектуру, связанную с извлечением смыслов, с поисками судьбы человека, с человеческим познанием в широком понимании.

О некоторых диахронических аспектах жанровой традиции чабыргаха

Материалы А.А. Саввина по жанровой традиции чабыргаха предстают как целостность, в которой могут быть выделены конкретные тексты-«образцы», понимаемые как материальная основа реконструкций архаического и других состояний в диахронической цепи. Важным для исследования представляется уяснение направления эволюции в общей ретроспективе жанровой традиции.

Концептуальность Саввина-исследователя определяется системностью его подхода к «вилюйской» традиции в целом. Малые жанры этой традиции впервые предстают не в качестве языковых (лексических) единиц, а как часть жанрового целого традиции, причем наиболее архаическая по своему происхождению (единица жанра / текста) и изначальной двой-

ственности, в силу промежуточности между языком и фольклором.

В окончательном отборе А.А. Саввиным материала отчетливо прослеживается стремление воссоздать не общее количество вариантов, а текстовое разнообразие традиции, что позволяет констатировать важность для него инвариантного целого данной жанровой последовательности. Те или иные изменения жанра фиксируются по их отложениям в вариантах. Почти в полном объеме представлено здесь многообразие текстового развертывания жанра с фиксацией как наиболее «кратких», так и его «развернутых» форм; тем самым принципиально меняется значение этого пласта материала как текстовой совокупности, имеющей свои закономерности построения и функционирования, диахронические изменения в прошлом и настоящем.

Анализ этого корпуса записей дает основания для выдвижения гипотезы о том, что эта совокупность вариантов дает возможность рассмотреть то, как могла выглядеть эта традиция на момент ее фиксации и что скрывалось за ней в диахронической плоскости ее функционирования в прошлом и настоящем. Одновременное сосуществование различных форм якутского чабыргаха в архаическом состоянии самой традиции, в свою очередь, дает основания для предположения об исходном разнообразии коммуникативных типов «малых» форм. Вполне вероятно, что понятием «чабыргах» в самой традиции обозначался целый ряд различных типов развертывания текста. Не исключено, что именно чабыргах, судя по записям А.А. Саввина, законсервировал в своих разновидностях это изначальное многообразие типов, а словом «чабыргах» в самой традиции обозначался довольно широкий круг «говорных» форм архаического происхождения, в том числе – отголосков состязаний в мастерстве речи.

Условно «краткая» форма и условно «развернутые» разновидности чабыргаха, рассмотренные здесь сквозь перспективу возможных диахронических изменений жанра и его типологического прошлого, являются первым приближением к постановке проблемы жанровых изменений отдельно взятой традиции. Возможным это стало благодаря предпринятой А.А. Саввиным системной фиксации «вилуйской» традиции в ходе первой академической экспедиции Института языка и культуры, когда «малым» формам фольклора впервые в научном плане был дан статус «архаизмов в культуре» (термин В.В. Иванова [Иванов, 2004, с. 131]), и, вероятно, исходного «ядра» древней мифоритуальной традиции, получившей неожиданную консервацию в «вилуйском» (в широком понимании) культурном ландшафте и отложившейся в целом ряде ее устных текстов.

Литература

Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 202 с.

Кулаковский А.Е. Правила якутского стихосложения // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Вып. 1 авг. – Якутск, 1925. – С. 76–79.

Кулаковский А.Е. Ырыа-Хороон (Песни-Стихи). – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1978. – 295 с.

Лорд А. Сказитель / пер. с англ. и комм. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – М.: Восточная литература, 1994. – 369 с.

РФ АЯНЦ СО РАН – Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 48, 87, 90, 97, 561; Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 87, 100, 270, 272.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

N.V. Pokatilova

Varieties of Genre Chabyrgah in the Records of the Vilyui Expedition of A.A. Savvin

In the records of Savvin's Vilyui expedition presents a unique collection of varieties of one of the small genres of Yakut folklore – chabyrgah. However, this set of options was never considered as a collector separately formed by the collector, which in this form could be the object of special study. Meanwhile, the collection of A.A. Savvin is a

phenomenon that goes beyond just stating the existing varieties of the genre. The rather chamber nature of this collection makes it possible to use the principles of immanent analysis as applied to it, given that we are talking about recording a genre tradition that is closed in a certain sense in its “living” existence. The analysis shows that, on the basis of the fixed varieties, it is difficult to talk about any uniformity of the genre structure, it is also difficult to have any typology of all those forms, which are denoted by the term “chabyrgah”. Nevertheless, according to metric and formula indicators, it seems possible to distinguish two types of organization: the “short” and the “expanded” forms of chabyrgah. At the same time, the presence of diverse forms of variation of the genre in the Vilyuy region gives grounds for the assumption: 1) on the predominance in the principles of field work of the collector of diachronous aspects of the consideration and selection of material for recording, on the desire to isolate the most archaic texts of the tradition; 2) about the traces of the possible existence in the archaic tradition of different communicative types of text, to which certain varieties of the genre can go back, but designated during the evolution by the common, probably generic concept of “chabyrgah” as a “spoken” (“not sung”) beginning.

Keywords: oral tradition, folklore studies in the field, small genres of folklore, archaic texts in oral tradition, formula language, formula, verse metric, short verse, historical poetics